

Рост уголовной преступности в Ярославской области и методы борьбы с ним в послевоенные годы

Тумаков Денис Васильевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0001-8569-7246. E-mail: denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье, основанной на многочисленных рассекреченных архивных документах областного комитета ВКП (б) и органов внутренних дел, а также материалах местной периодической печати, исследуется резкий рост уголовной преступности в Ярославской области вскоре после завершения Великой Отечественной войны. Предметом исследования являются как различные формы преступных проявлений в регионе, так и разнообразные методы борьбы местных органов власти и правоохранительных структур с ними. В 1946–1947 гг. в области заметно увеличилось количество убийств, грабежей, разбоев, фактов хулиганства, краж всех видов, а также хищений и спекуляции. Рост преступности вызывал панические настроения у населения. Показано, что в этот период, как в Советском Союзе в целом, так и в Ярославской области в частности, существенные изменения претерпела структура уголовной преступности. Криминальные действия совершали уже не столько преступники-рецидивисты, сколько обычные, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности граждане. Партийные инстанции и командование органов правопорядка давали суровые оценки происходящему. Государство воспринимало подобные факты как настоящий вызов со стороны криминала и для победы над ним прибегло к привлечению широких сил общественности к борьбе с нарушителями советской законности. В населенных пунктах Ярославской области регулярно проводились облавы и проверки документов, над арестованными преступниками проходили показательные процессы, освещавшиеся в местной печати. Сделан вывод о том, что властям и силам правопорядка удавалось достичь только временного успеха в противостоянии с преступностью, так как последняя обуславливалась бедностью основной массы населения региона.

Ключевые слова: милиция, криминальные проявления, преступники, государство, пресса.

Еще в 1944–1945 гг. отдельные руководители предприятий и учреждений Ярославля начали признавать широкое распространение таких уголовных преступлений, как взяточничество, хулиганство, карманные кражи в общественном транспорте, хищения со складов с целью последующей спекуляции [22, д. 89, л. 50; 23, д. 6, л. 3 об., д. 7, л. 3; 24, л. 12–12 об., л. 16–16 об.]. В ряде районов Ярославской области это мнение разделяли и представители местной номенклатуры [15, с. 75]. Но какой бы сложной ни была криминогенная обстановка в конце Великой Отечественной войны, именно послевоенные годы запомнились резким подъемом уголовной преступности по всей стране. По данным современных историков, в 1946–1947 гг. органы внутренних дел зафиксировали на территории СССР в общей сложности более 2,2 млн. уголовных преступлений [3, с. 16], а народные суды в 1946–1952 гг. вынесли до 7 млн. приговоров к тюремному заключению по различным статьям УК [18, с. 152], включая 56 тысяч за умышленное убийство и более 140 тысяч за разбой и грабеж [18, с. 154].

В послевоенное время заметно изменилась и сама преступность: до 68 % людей, попавших под суд в это время, ранее никогда не привлекались к ответственности [3, с. 16]. Ярославская область в этом отношении не стала исключением, хотя положение дел здесь выглядело лучше общесоюзного. 14 декабря 1945 г. начальник местного Управления НКВД (УНКВД) генерал-майор В. В. Губин на собрании партийного актива утверждал, что в областном центре только 45 % от общего количества преступлений совершили ранее не судимые, занимавшиеся общественно-полезным трудом люди [22, д. 90, л. 38]. Тем не менее ситуация была крайне напряженной. Как писал первому секретарю обкома ВКП (б) И. М. Турко директор стратегически важного в военном отношении завода № 36 в Щербакове (название Рыбинска в 1946–1957 гг.) А. П. Петров, «вооруженные бандиты врываются в квартиры, производят насилие над рабочими и на глазах у запуганных и терроризированных жителей уносят их имущество и безнаказанно скрываются» [20, л. 48]. Такие действия преступники совершали даже в дневное

время суток, за август–сентябрь 1947 г. ими было совершено 14 ограблений квартир. Примечательно, что даже жилище самого директора секретного военного предприятия за это время дважды подверглось нападению. Поскольку местные органы милиции лишь фиксировали совершенные преступления, но не смогли с ними справиться, Петров просил о помощи обком ВКП (б) [20, л. 48].

Статистика и рассекреченная документация органов МВД подтверждается воспоминаниями непосредственных очевидцев и современников тех событий. Как утверждал житель райцентра Ростов Г. Ф. Шарамов, в 1945 г. некая «банда негодяев» убила самого известного в этом городе милиционера – участкового уполномоченного Фадеева, шедшего на ночное дежурство [4, с. 81]. Показательно, что именно данный факт первых послевоенных лет столь хорошо запомнился старожилу. В свою очередь, известный отечественный ученый-историк профессор А. А. Галкин, служивший в послевоенные годы в Советской военной администрации в оккупированной Германии, вспоминал, что, в отличие от Берлина, в Москве в 1946–1947 гг. он всегда выходил из дома с оружием [10, с. 246].

Широкое распространение в послевоенном Советском Союзе получили также факты хищений и спекуляции. Примечательно, что о суровом приговоре двум жительницам Москвы за кражу 1,5 кг картофеля упомянул и знаменитый американский писатель Д. Стейнбек, посетивший СССР летом 1947 г. По информации будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, за данное преступление суд приговорил женщин к 10 годам заключения [14, с. 77]. Вскользь, но при этом публично рост хищений в эти годы признавали даже региональные элиты. В частности, первый секретарь ярославского обкома ВКП (б) А. Н. Ларионов в докладе на собрании партийного актива Ярославля 19 февраля 1946 г. утверждал, что в некоторые магазины и отделы рабочего снабжения (ОРС) железнодорожной станции Всполье, «пользуясь беспечностью руководителей, пристроились разного рода проходимцы, жулики» [22, л. 18]. Это мнение подтверждали и стражи порядка. В секретном специальном сообщении на имя первого секретаря ярославского обкома ВКП (б) И. М. Турко от 15 января 1947 г. начальник Управления МВД (УМВД) по Ярославской области В. В. Губин сообщал о привлечении к уголовной ответственности и аресте нескольких ответственных работников избирательных комиссий в Ярославле, Рыбинском районе и Переславле. Эти люди в возрасте от 22 до 43 лет, как коммунисты, так и беспартийные, обвинялись в совершении ряда уголовных преступлений, в частности, краж и спекуляции [1, л. 4–5].

В справке от 27 января того же года В. В. Губин представил в обком уже развернутый отчет о борьбе с подобными преступлениями в регионе, подчеркнувший остроту проблемы. В общей сложности, по неполным данным УМВД, за 1946 г. к уголовной ответственности за хищения были привлечены 435 материально ответственных лиц (председатели колхозов, заведующие базами, складами и магазинами, кладовщики) [1, л. 30–31]. Так, из документа следовало, что в апреле 1946 г. милиция вскрыла в Ярославской межобластной конторе главснаба Министерства мясомолочной промышленности группу из восьми «хищников», нанесшую государству финансовый ущерб на сумму свыше 568 тысяч рублей. Среди них оказались управляющий конторой А. И. М-в, его заместитель П. Я. Н-в, начальник отдела заготовок В. И. Х-в и заведующий базой А. Н. Н-в [1, л. 29]. Подобные случаи были выявлены также в Рыбинском, Нагорьевском и Борисоглебском районах области [1, л. 29–30].

Чтобы сбить народное недовольство ростом криминала и продемонстрировать дееспособность государства в борьбе с этим явлением, региональные масс-медиа послевоенного времени сообщали о наиболее резонансных преступлениях, проведении показательных судебных процессов над рецидивистами и вынесении по их итогу суровых приговоров. Так, осенью 1945 г. в ярославской областной газете «Северный рабочий» – печатном органе местного обкома, горкома ВКП (б) и облисполкома – было опубликовано не менее пяти больших репортажей с заседаний Военного трибунала (ВТ). В этих публикациях уголовные преступники неизменно изображались лживыми, жестокими и одновременно трусливыми людьми, маргиналами для послевоенного советского общества [15, с. 80]. Однако о распространенности подобных преступлений на всей территории страны свидетельствует тот факт, что осенью 1945 г. в соседней Ивановской области газета местного обкома ВКП (б) «Рабочий край» тоже опубликовала похожую заметку, сообщив о ликвидации бандитской шайки, на рубеже 1944–1945 гг. грабившей магазины, государственные склады и частные домовладения в Иванове. Преступники похищали личное имущество граждан для последующей реализации на городских рынках через своих родственников [7].

Однако быстро победить преступность Советское государство не смогло. Общий рост криминальных проявлений в послевоенный период красноречиво иллюстрирует то обстоятельство, что некоторые ярославские коммунисты на заседаниях бюро обкома ВКП (б) объясняли утрату партийных билетов или кандидатских карточек именно действиями пресловутых «уголовно-преступных элементов». Масштаб проблемы поражал. Важнейшие документы похищались в чайных и столовых, в кинотеатрах и на рынках, при посадке в общественный транспорт или на поезд, во время нередких квартирных краж, иногда при демобилизации из армии или даже в советских административных учреждениях [20, д. 361, л. 2–10, 25; д. 362, л. 1–5]. По итогам проведенной летом 1945 г. проверки сохранность партбилетов даже у работников органов госбезопасности в Ярославской области была признана неудовлетворительной [21, л. 7 об.]. Как правило, после нападений уличных грабителей партбилет пострадавшим выдавался повторно, но только после тщательных разбирательств в партийных инстанциях. Весной 1947 г. в Щербакове так поступили по отношению к председателю артели «Искусство» А. Ф. Андриановой и заведующему складом «Заготзерно» П. Н. Крупнову [20, д. 362, л. 5–6]. Однако были и обратные примеры. Так, шоферу завода № 406 в Тутаевском районе Н. И. Мысовскому в повторной выдаче партбилета было отказано, так как его утверждения о похищении документа неизвестными при нападении на него на территории предприятия подтвердить не удалось [20, д. 362, л. 2].

В преддверии выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. и в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 г. рост криминала вызвал обеспокоенные, хоть и несколько закамуфлированные в официальных выступлениях, опасения региональных властей. Поэтому уже 14 декабря 1945 г. на собрании партактива Ярославля с участием секретарей горкомов и райкомов ВКП (б) начальник УНКВД по Ярославской области генерал-майор В. В. Губин был вынужден признать рост преступности в Ярославле и Рыбинске – крупнейших городах региона. По его словам, в управление «стало поступать очень много жалоб, что в городе вечером пройти нельзя, не рискуя быть раздетым» [22, д. 90, л. 36]. В выступлении генерала приводились многочисленные примеры различных уголовных преступлений, которые происходили заметно чаще, чем антисоветские нарушения законности. Самыми громкими из них можно считать нападения на здания народных судов Красноперекоского и Кировского районов Ярославля осенью 1945 г.: во втором случае преступники даже разбили учетную картотеку и сожгли часть дел, заведенных на них [22, д. 90, л. 36]. Однако Губин заверил собравшихся в том, что народный страх перед криминалом заметно преувеличен, в то время как в реальности «у нас в последнее время стало немного тише в городах», хотя «еще полностью не изжиты вражеские бандитские проявления» [22, д. 90, л. 38].

Однако в дальнейшем криминогенная обстановка в Ярославской области лишь ухудшалась. Спустя почти год, 12 декабря 1946 г., уже при ярославском обкоме ВКП (б) под председательством его секретаря по кадрам Б. А. Новожилова прошло строго секретное совещание, в котором приняли участие 32 работника органов внутренних дел, по 36 сотрудников милиции и прокуратуры, 37 – юстиции и 3 члена областного суда [20, д. 97, л. 1]. В самом его начале Новожилов констатировал, что «в некоторых районах и городах нашей области имеет место рост уголовных преступлений», а потому «в области создалась не совсем спокойная обстановка, вызывающая некоторую тревогу у населения» [20, д. 97, л. 1]. Однако в выступлении уже упоминавшегося выше генерала В. В. Губина содержалось куда более резкое высказывание: «такого количества убийств мы еще не имели никогда, ни за время войны, ни в послевоенный период» [20, д. 97, л. 4].

Наиболее суровую оценку криминогенной обстановки в регионе дал заместитель начальника УМВД по Ярославской области полковник милиции И. А. Кожин. В его выступлении содержались утверждения о том, что хулиганство не просто растет, но и «приняло кое-где характер бандитизма» или «хулиганы терроризируют население». В качестве иллюстрации последнего факта Кожин упомянул ряд драк с применением ножей и палок в Тутаевском, Ростовском, Масловском и Курбском районах [20, д. 97, л. 44–45]. В связи с этим критике за слабую работу по борьбе с растущей преступностью были подвергнуты городские отделения милиции (ГОМ) в Ростове и Угличе, а также районные отделения милиции (РОМ) в Бурмакине и Давыдове [20, д. 97, л. 44]. Офицер заявил, что успешная борьба с преступностью – это «боевая проверка способности наших органов защитить народное достояние, имущество и личную безопасность советских людей от преступников и хулиганов», а также пообещал снять с должности и отдать под суд любого работника МВД или милиции, не справившегося с данной

задачей [20, д. 97, л. 49]. Фактически командование правоохранительных органов утверждало о настоящем вызове Советскому государству со стороны уголовно-преступного элемента.

В выступлениях некоторых представителей власти и органов правопорядка содержались попытки анализа неблагоприятной криминогенной обстановки в регионе. В. В. Губин в упоминавшемся выше выступлении перед партийными активистами Ярославля в конце 1945 г. в первую очередь акцентировал их внимание на недоработках районных советов, колхозов, домоуправлений и даже дворников, которые слабо контролировали перемещения людей по городу и не знали цель этих перемещений. Одновременно генерал старался снять ответственность со своих подчиненных. Отвечая на жалобу секретаря Сталинского райкома ВКП (б) Ярославля Василевской о совершении 56 краж продуктов питания из магазинов и складов в течение пяти месяцев и ущербе государству на общую сумму 135 тысяч рублей, Губин дал понять, что все эти объекты или не имели охраны, или охранялись слабо [22, д. 90, л. 37]. Три кражи с ярославского завода № 599 в течение десяти дней он объяснил тем же обстоятельством, иронично добавив к этому, что с директора предприятия «следует спросить, что он думает делать, или будет ждать, когда его самого украдут» [22, д. 90, л. 37]. Неосведомленностью дирекции завода № 345 Губин объяснил и факт ограбления колхоза «Красный Волгарь» со стороны рабочих этого предприятия [22, д. 90, л. 36]. Критике со стороны чекиста подверглось и руководство военного завода № 132, также неоднократно допускавшее крупные кражи на территории предприятия, несмотря на наличие военизированной охраны [22, д. 90, л. 37]. Добавим, что упоминаний о каких-либо недостатках в работе УНКВД в упомянутом выступлении В. В. Губина не содержалось.

Стремясь найти виновных, чиновники разного уровня в те годы вели речь о наличии в партии или в государственных органах «большого количества людей, которые были в Западной Европе, репатриированных, бывших в плену и которые нами еще не изучены, да и не исключается возможность пребывания людей, которые имеют враждебную идеологию» [22, д. 97, л. 42]. Начальник УМВД В. В. Губин также полагал, что среди многочисленных советских репатриантов «есть такие, которых разложили фашисты и забросили их для подрывной работы в наш тыл», а «отдельные вражеские элементы продолжают вести преступную деятельность» и хотят «напаковать» [22, д. 90, л. 35]. К числу подобных неблагонадежных руководителей секретарь ярославского обкома по кадрам Б. А. Новожилов отнес председателя колхоза имени Карла Маркса Некрасовского района, который попал в немецкий плен в первые дни Великой Отечественной войны, а в ее конце был освобожден американскими войсками [20, д. 6, л. 44]. На VIII пленуме обкома ВКП (б) от 25 июня 1946 г. Губин с горечью констатировал, что в Пречистенском районе «во многих колхозах сидели... не внушающие доверия люди, а кое-где воры и жулики» [20, д. 7, л. 67]. В силу этого в послевоенный период регулярное выявление в рядах ВКП (б) и советского аппарата «неустойчивых элементов» позиционировалось в качестве важнейшего способа борьбы государства с растущей преступностью.

К числу подобных людей были отнесены не только руководящие работники колхозов, злоупотреблявшие служебным положением в личных целях, или простые сельские жители, совершавшие кражи хлеба, зерна, сена, овса или крупного рогатого скота [20, д. 361, л. 13–17], но и пресловутые «бандитские пособники». Так, 13 августа 1947 г. решением бюро обкома из кандидатов в члены партии была исключена метельщица ярославского треста очистки Е. И. Кабанова, которая вместе с матерью принимала краденые вещи от бывшего мужа с целью сбыта соседям или продажи на рынке. За «связь с преступными элементами» суд приговорил женщину к году исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % заработка [20, д. 361, л. 1]. Позднее из членов ВКП (б) была исключена помощник мастера ткацкого цеха фабрики «Красные ткачи» Ярославского района А. И. Глыздова, приговоренная к пяти годам тюремного заключения за получение краденых вещей от группы бандитов. Женщина фактически предоставила им в пользование квартиру собственной матери в поселке Красные Ткачи [20, д. 361, л. 15]. В Щербакове аналогичное преступление совершила управляющая рынком Сладкова, чьи муж и сын были бандитами и совершили несколько вооруженных грабежей [20, д. 97, л. 32]. Очевидно, подобные случаи были далеко не единичными.

Через год начальник УМВД уже расставил акценты несколько иначе. В частности, на совещании в обкоме он был вынужден признать многочисленные недостатки следственной работы на местах, отметив, что «у нас не всегда полностью вскрывается состав преступлений и не все задерживаются преступники». Губин констатировал нарушения норм УПК при ведении следствия, частые превышения сроков пребывания подозреваемых в тюрьмах, а также нару-

шения срока расследования и рассмотрения дел в народных судах [20, д. 97, л. 7]. Также генерал назвал неблагополучной криминогенную обстановку не только в крупных городах, но и в Ярославском, Рыбинском, Любимском, Большесельском, Даниловском, Рязанцевском и Середском и некоторых других районах области, где организации ВКП (б) и командование сил правопорядка располагали совершенно разными сведениями о количестве совершаемых преступлений. Примечательно, что в данной ситуации Губин скорее соглашался с точкой зрения партийных инстанций, а не своих подчиненных [20, д. 97, л. 12–13].

Очевидно, генерал был прав. Во многом это объясняется тем, что на периферии в первые послевоенные годы работники советских правоохранительных органов сильно страдали от бытовой неустроенности. Летом 1947 г. прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов сообщал первому секретарю обкома ВКП (б) И. М. Турко о «крайне ненормальных условиях» работы областной прокуратуры. Ее посетителям было негде сесть, так как комнаты были заставлены столами, между которыми было едва возможно пройти. Так, начальник отдела по надзору за органами милиции, а также еще четыре сотрудника работали в комнате размером 12 квадратных метров. В подобных условиях работали также старшие следователи областной прокуратуры, бухгалтерия, приемная жалобщиков и гражданско-судебный отдел [20, д. 460, л. 49–49 об.]. Тяжелые жилищные условия оперуполномоченного Ростовского городского отдела МГБ старшего лейтенанта А. Д. Суворова (в недавнем прошлом – фронтовика-орденоносца) в марте 1947 г. стали предметом секретной переписки Управления МГБ по Ярославской области и обкома ВКП (б) [20, д. 460, л. 19–21].

Особенно острой указанная проблема ощущалась во вновь образованных районах Ярославской области, что признавало и местное партийное руководство. Например, в созданном в 1944 г. Масловском районе даже спустя два года фактически и юридически отсутствовал райцентр, а потому не были обеспечены надлежащими помещениями крупнейшие административные учреждения. Руководящие работники не имели квартир, поэтому аппарат милиции и органов госбезопасности были по-прежнему плохо укомплектованы, а начальник местного РОМ Гагарин был даже снят с работы за взяточничество [20, д. 9, л. 44]. За продажу 148 м мануфактуры на рынке в Щербакове был задержан милицией и позднее осужден на 5 лет лишения свободы инструктор Масловского райкома ВКП (б) В. Г. Алексашкин [20, д. 362, л. 13].

В той же тональности на совещании в обкоме ВКП (б) 12 декабря 1946 г. выступали и районные служители Фемиды, признававшие дефицит опытных, квалифицированных сотрудников. Так, прокурор Щербакова П. А. Изюмов констатировал, что ГОМ укомплектовано преимущественно бывшими фронтовиками, то есть молодыми людьми, не обладавшими ни практическим опытом, ни знанием советского законодательства или следственной работы [20, д. 97, л. 25]. В райцентре Давыдково начальник РОМ А. И. Колокольников в частном разговоре сказал, что «каждый день у нас по 5 краж, что я могу сделать», так как местные стражи порядка не имели даже дров и керосина, а из-за холода были вынуждены находиться на службе в шубах и валенках [20, д. 97, л. 44]. Прокурор Ростова М. Ф. Орешкина утверждала, что «у нас следователь был не опытный, не следователь, а просто какое-то посмешище и он не обеспечивал работу в городе». Его сменщик Павлов уже после месяца работы был командирован на повышение в Щербаков, в то время как ростовская прокуратура осенью 1946 г. осталась без следователя. Не лучше в Ростове обстояло дело и с народными судьями: судья Шмонина долго болела, а ее заместитель Ерёмин был охарактеризован как «человек совершенно без политики», который «не имеет никакого политического понятия и все почти арестантские дела шли на смарку» (сохранены стиль и орфография документа. – *Авт.*), то есть выносил обвиняемым оправдательные приговоры или приговаривал к низкой мере наказания [20, д. 97, л. 22–23].

В некоторых случаях речь шла о несоблюдении законности ответственными партийными и советскими работниками, а также членами их семей. В секретном донесении в обком ВКП (б) от 13 марта 1947 г. прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов привел ряд обратных примеров. Так, сын военного комиссара Углича Щербак из отцовского пистолета тяжело ранил школьного учителя, поставившего ему низкие оценки, а затем пытался скрыться от стражей порядка в здании военкомата [20, д. 460, л. 25]. В Ярославле, Ростове и Бурмакинском районе от непреднамеренных действий детей представителей номенклатуры погибли люди, а в Петровском районе сын заместителя председателя райисполкома В. И. Казнаков и вовсе был осужден на 10 лет лишения свободы за организацию вооруженного бандитского нападения на сторожа местного молокозавода. Он и два его товарища

похитили 126 кг масла [20, д. 460, л. 25 об.]. Областной прокурор в донесении первому секретарю обкома И. М. Турко с возмущением отметил, что «в отношении членов партии, дети которых совершили преступления, парторганами эти вопросы не обсуждаются» [20, д. 460, л. 25 об.].

Аналогичным образом в справке на имя секретаря обкома ВКП (б) по кадрам Б. А. Новожилова от 9 апреля 1947 г. начальник областного Управления юстиции В. Д. Гриднев сообщал о «не единичных случаях ненормального явления», когда секретари райкомов партии запрещали народным судьям разбирать уголовные дела по обвинению коммунистов в халатности или различных злоупотреблениях, хотя органы МВД и прокуратуры считали обоснованным их преследование. В таком случае дела не рассматривались и лежали без движения. Подобные прецеденты в 1946 г. имели место в Резинокомбинатском и Красноперевальском районах Ярославля, а также в Арефинском, Рязанцевском и Первомайском районах области [19, д. 5, л. 32]. Очевидно, в данном случае имело место фактическое подтверждение слов Генерального прокурора СССР, писавшего И. В. Сталину, что в стране де-факто «существует два уголовных кодекса, один для коммунистов и другой для остальных» [17, с. 431].

Для борьбы с растущей преступностью власти и органы правопорядка предприняли решительные меры. Во-первых, они попытались усилить контроль за обстановкой в населенных пунктах. С этой целью в декабре 1946 г. количество уличных постов милиции только в Ярославле возросло с 79 до 117 [ЦДНІЯО, ф. 272, оп. 225, д. 505, л. 16], а затем до 188 [1, л. 12]. Укреплялась дисциплина среди стражей порядка. По воспоминаниям полковника А. Г. Трифонова, в Щербакове (Рыбинске) в те годы они «практически работали день и ночь». Официально время их службы длилось с 9:00 до 17:00, затем до 20:00 следовал обед, потом милиционеры вновь заступали на работу. Сотрудники отдела уголовного розыска при этом бодрствовали до 5:00, а их коллеги по ОБХСС – до полуночи. В 9:00 они снова приходили на службу, при этом даже любое опоздание могло расцениваться командованием как проступок и караться выговором или дисциплинарным арестом сроком на 10 суток [6, с. 85]. Куда более строгим наказаниям подвергались те сотрудники сил правопорядка, которые грубо нарушали советское законодательство, в частности, избивали подсудимых [16, с. 113–122].

Днем в местах массового скопления людей действовали наружные посты милиции, а к ночному патрулированию улиц в крупнейших городах области привлекались и партийные активисты [1, л. 12]. Отметим, что именно ночью, по воспоминаниям полковника милиции в отставке А. Г. Трифонова, проходили «все операции по задержанию уголовного элемента» [6, с. 85]. Как отмечал в докладной записке генерал В. В. Губин, патрулирование городов не только привело к большому числу задержаний преступников, но и помогло пресечь «нездоровые слухи» в народе [1, л. 12]. В декабре 1946 г. стражи порядка осуществили массовую проверку домов, бараков, общежитий и корпусов в крупнейших населенных пунктах региона, в результате чего было выявлено 1047 нарушителей паспортного режима, из которых 65 были привлечены к уголовной ответственности, а 44 – удалены из Ярославля как режимного города первой категории [1, л. 12–13]. Для повышения мотивации стражей порядка наиболее отличившимся из них выносилась благодарность, причем соответствующий приказ неизменно объявлялся всему начальствующему и оперативному составу областной милиции [13, с. 409–411, 415, 416, 422–423].

Во-вторых, командование правоохранительных органов Ярославской области регулярно акцентировало внимание подчиненных на необходимости сделать борьбу с уголовной преступностью публичной. По мнению генерал-майора В. В. Губина, его подчиненные за счет организации и проведения открытых судебных процессов уже в конце 1945 г. смогли разоблачить ряд преступных групп и добиться резкого сокращения хулиганских проявлений в городе и области [22, д. 90, л. 36, 37]. В распоряжении от 7 января 1947 г. полковник И. А. Кожин потребовал от начальников ГОМ и РОМ Ярославской области систематически информировать о состоянии борьбы с преступностью местные партийные органы, а также советы депутатов трудящихся, сообщать о крупных преступлениях руководству предприятий, колхозов, учреждений и учебных заведений, где работали или обучались совершившие их граждане. Под особым контролем милиции должны были быть все нарушения законности, совершенные коммунистами и комсомольцами, поэтому сообщать о них требовалось также в первичные парторганизации и месткомы по месту работы [13, с. 411].

Той же линии стражи порядка придерживались и в дальнейшем. В секретном представлении «О недостатках в организации судебных процессов по уголовным делам на Вспольинском участке Ярославской железной дороги» от 4 февраля 1947 г. военный прокурор 2-го

участка Ярославской железной дороги капитан юстиции Шубенко отмечал, что ВТ дороги назначает большую часть дел к слушанию непосредственно в рабочем кабинете в здании Управления дороги. К примеру, в октябре–декабре 1946 г. таким образом были рассмотрены 55 дел, в то время как публичному рассмотрению на станциях Всполье и Ярославль за тот же срок подверглись только пять [20, д. 460, л. 13]. Судебные процессы, полагал прокурор, несли «большое актуальное и общественно-политическое значение» и воспринимались как предупреждение населению, поэтому Шубенко утверждал о необходимости «публичности процесса» над провинившимися работниками железной дороги. Не случайно главной составляющей деятельности ВТ капитан юстиции Шубенко полагал «воспитательную роль среди железнодорожников» с целью недопущения расхищений грузов, дезертирства с работы или «злоупотреблений при перевозке государственного хлеба» с их стороны [20, д. 460, л. 13].

В-третьих, с целью профилактики уголовной преступности советские провинциальные газеты послевоенного времени нередко публиковали лаконичные заметки за авторством тех или иных работников правоохранительной системы. Например, осенью 1945 г. народный судья 2-го участка города Вичуга Ивановской области А. Корнев на страницах местного периодического издания «Вичугский рабочий» дважды сообщил горожанам о приговорах, которые он вынес за кражи личных вещей, систематические хищения продовольственных карточек или спекуляцию [8; 9]. В других случаях газетные материалы оставались анонимными, однако каждый раз демонстрировали неизбежность поимки преступников и последующего сурового, но справедливого наказания для них. Так, в начале 1946 г. «Северный рабочий» опубликовал две заметки о приговоре выездной сессии Ярославского областного суда по делу бандитских групп, действовавшей в Ростовском районе Ярославской области и в самом областном центре [2; 13]. Аналогичная публикация вышла осенью того же года [5]. Основной акцент газета делала именно на приговорах бандитам, а не на конкретизации их преступлений.

В-четвертых, советские правоохранительные органы предлагали сделать борьбу с преступностью всенародным делом. Как утверждал на совещании от 12 декабря 1946 г. генерал-майор В. В. Губин, «мы должны работать все вместе, бить в одну точку, работать в контакте, дружно» [20, д. 97, л. 13]. Не только от сил правопорядка, но и от всего советского общества он потребовал обеспечить правопорядок, «чтобы жулики, воры не омрачали настроения трудящихся во время выборов» [20, д. 97, л. 13]. Еще более конкретно на том же совещании высказался полковник милиции И. А. Кожин, призвавший «поднять на борьбу с хищениями, кражами, грабежами и хулиганством всех честных советских граждан» [20, д. 97, л. 48]. Речь словно шла о мобилизации народа на внутренний фронт.

С той же целью усиливалась агитационная работа среди населения. Для «создания сурового общественного мнения» в отношении преступников и «правильного установления причин преступления» милиционеры должны были выступать с докладами по наиболее громким уголовным делам [13, с. 412]. Одновременно в распоряжении полковника И. А. Кожина от 7 января 1947 г. говорилось о необходимости регистрации и тщательной проверки всех жалоб, заявлений и анонимных писем населения с целью выявления настоящих причин их создания, привлечения к судебной ответственности «provokatorov» или «распространителей вымышленных слухов о преступлениях». В отношении остальных предполагалось ограничиться предупреждением [13, с. 412].

Долгом командного состава и оперативных работников МВД Кожин считал систематические выступления на рабочих и колхозных собраниях, чтобы «прислушиваться к голосу рабочих и колхозников, поднимать их бдительность» [20, д. 97, л. 48]. В свою очередь, заместитель начальника ярославской милиции А. И. Тихомиров признал, что на предприятиях в наиболее пораженных преступностью Сталинском и Кировском районах областного центра в 1946 г. уже были проведены подобные совещания. В ходе них рабочие выразили желание помочь милиции и указали на имеющиеся недостатки: малое количество постов в городе, слабое уличное освещение и несвоевременное принятие мер по жалобам трудящихся [20, л. 50].

Его утверждение подтверждалось данными официальной статистики. В общей сложности к началу 1947 г. сотрудники милиции провели на 27 основных предприятиях Ярославля 42 беседы и доклада только на тему «О борьбе с расхитителями социалистической собственности, спекулянтами и нарушителями общественного порядка в городе». Командование городской милиции лишь за декабрь 1946 г. провело с директорским корпусом, а также сторожами, вахтерами, комендантами домов и членами уличных комитетов 31 собрание по вопросам обеспечения общественного порядка, а также охраны предприятий и магазинов [20,

д. 505, л. 15]. В области в декабре 1946 г. работники МВД провели в общей сложности 105 собраний с рабочими и служащими, проинформировав их об основных мерах в борьбе с преступностью и ответив на вопросы [1, л. 14].

Тесное сотрудничество правоохранительных органов и передовой общественности также пропагандировалось в партийной печати послевоенных лет. Как утверждал на страницах «Северного рабочего» лейтенант Пелевин, неоценимую помощь милиции оказывали члены бригад содействия милиции (БСМ), или «бригадмилыцы». Большую часть из них составляли комсомольцы или недавние фронтовики, которые в свободное от работы время следили за соблюдением порядка в рабочих клубах, кинотеатрах и на улицах, помогали милиции выявлять и задерживать опасных преступников. В статье была особо отмечена активная и успешная деятельность таких бригадмилыцев Ярославля, как работник «Ярэнерго» Б. С. Дорофеев или работница подошвенного завода Е. Г. Васильева [11]. Примечательно, что о факте получения последней за помощь милиции крупного денежного вознаграждения в 500 рублей Пелевин умолчал [13, с. 405]. В свою очередь, те партийные и профсоюзные работники, что недооценивали важность создания БСМ, были подвергнуты критике [11]. Свою заметку офицер милиции завершил вполне логичным призывом «организовать широкую сеть бригад содействия милиции и тем самым создать нетерпимую обстановку нарушителям общественного порядка» [11].

В первые послевоенные годы ярославцы, как и жители СССР в целом, часто становились жертвами различных уголовных проявлений. Власти и силы правопорядка в регионе, хотя и с оговорками, но были вынуждены признать этот факт. Более того, в конце 1946 г. рост повседневного криминала стал восприниматься ими как настоящий вызов. Для победы государство в 1946–1947 гг. было готово пойти на суровые меры. К ним можно отнести массовые облавы и проверки документов у населения, публикацию материалов о наиболее громких судебных процессах в местных СМИ и даже привлечение общественности к помощи правоохранительным органам. Сами стражи порядка утверждали, что подобные действия привели к необходимым результатам. В одном из приказов генерала В. В. Губина к позитивным итогам работы УМВД по борьбе с преступностью за 1947 г. были отнесены сокращение числа тяжких преступлений (грабежи, разбои без убийств, кражи всех видов, мошенничество, дерзкие виды хулиганства) и увеличение их раскрываемости до 93 % по сравнению с показателями 1946 г. Наибольших успехов достигли работники милиции в Переславле, Угличе, Даниловском, Некрасовском, Петровском, Курбском, Гаврилов-Ямском и Владычинском районах области [13, с. 420]. В то же время подобные меры могли обеспечить государству лишь временные и частичные успехи в борьбе с преступностью, так как не способствовали устранению ее главной причины – низкого жизненного уровня основной массы народа. Это обстоятельство власти любого ранга неизменно замалчивали.

Список литературы

1. Архив УФСБ РФ по ЯО (Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Ярославской области). Ф. 1. Оп. 35. Д. 17.
2. Бандиты наказаны // Северный рабочий. 6 марта 1946.
3. Богданов С. В., Орлов В. Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6–2. С. 15–20.
4. «Была война...» : сб. документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов, 2001. 368 с.
5. Грабители наказаны // Северный рабочий. 12 октября 1946.
6. История ярославской милиции. Ярославль : Аверс Плюс, 2010. 208 с.
7. Конец бандитской шайки // Рабочий край. 2 ноября 1945.
8. Корнев А. За воровство – к ответственности // Вичугский рабочий. 14 октября 1945.
9. Корнев А. За хищение карточек – 3 года тюрьмы // Вичугский рабочий. 24 октября 1945.
10. Мудров С. Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945–1947 гг.). Ярославль, 2011. 261 с.
11. Пелевин. Бригадмилыцы // Северный рабочий. 31 марта 1946.
12. Преступники наказаны // Северный рабочий. 6 января 1946.
13. «Служить Отечеству честь имею...» : док-ты по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI вв. Ярославль, 2002. 632 с.
14. Стейнбек Д. Русский дневник. М., 2017. 320 с.

15. Тумаков Д. В. Образы уголовных преступников послевоенной эпохи в оценках советских официальных властей и правоохранительных органов (по материалам Ярославской области) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4. С. 75–80.

16. Тумаков Д. В. Преступления работников правоохранительных органов послевоенных лет в историческом контексте эпохи (по архивным материалам Ярославской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113–122. DOI: 10.46726/H.2022.2.13.

17. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. 464 с.

18. Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. 231 с.

19. ЦДНІЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 272. Оп. 224. Д. 5.

20. ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 6, 7, 9, 97, 361, 362, 460, 505.

21. ЦДНІЯО. Ф. 273. Оп. 68. Д. 919.

22. ЦДНІЯО. Ф. 273. Оп. 74. Д. 89, 90, 97.

23. ЦДНІЯО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6, 7.

24. ЦДНІЯО. Ф. 2249. Оп. 1. Д. 5.

The increasing of criminality in the Yaroslavl region and methods of combating it in the post-war years

Tumakov Denis Vasilyevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy,
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0001-8569-7246. E-mail: denistumakov@yandex.ru

Abstract. The article, based on numerous declassified archival documents of the regional Committee of the CPSU (b) and internal affairs bodies, as well as materials from the local periodical press, examines the sharp increase in criminal crime in the Yaroslavl region shortly after the end of the Great Patriotic War. The subject of the study is both various forms of criminal manifestations in the region and various methods of combating them by local authorities and law enforcement agencies. In 1946–1947. The number of murders, robberies, robberies, hooliganism, thefts of all kinds, as well as embezzlement and speculation has increased markedly in the region. The increase in crime caused panic among the population. It is shown that during this period, both in the Soviet Union as a whole and in the Yaroslavl region in particular, the structure of criminal crime underwent significant changes. Criminal acts were committed not so much by repeat offenders as by ordinary citizens who had not previously been criminally responsible. The party authorities and the command of law enforcement agencies gave harsh assessments of what was happening. The state perceived such facts as a real challenge from crime and, in order to defeat it, resorted to involving broad forces of the public in the fight against violators of Soviet legality. Raids and document checks were regularly carried out in the settlements of the Yaroslavl region, demonstrative trials were held over the arrested criminals, which were covered in the local press. It is concluded that the authorities and law enforcement forces managed to achieve only temporary success in combating crime, since the latter was caused by the poverty of the majority of the region's population.

Keywords: police, criminal manifestations, criminals, the state, the press.

References

1. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for Nuclear Weapons (Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Yaroslavl region). F. 1. Inv. 35. File 17.

2. *Bandity nakazany* – Bandits are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. March 6, 1946.

3. Bogdanov S. V., Orlov V. N. *Totalitarnaya gosudarstvennost' i ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v pervye poslevoennye gody* [Totalitarian statehood and economic crime in the USSR in the first post-war years] // *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* – Scientific problems of humanitarian research. 2009. No. 6–2. Pp. 15–20.

4. *"Byla vojna..." : sb. dokumentov i vospominanij o Rostove v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* – "There was a war..." : collection of documents and memoirs about Rostov during the Great Patriotic War of 1941–1945. Rostov. 2001. 368 p.

5. *Grabiteli nakazany* – Robbers are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. October 12, 1946.

6. *Istoriya yaroslavskoj milicii* – The history of the Yaroslavl militia. Yaroslavl. Avers Plus. 2010. 208 p.

7. *Konec banditskoj shajki* – The end of the bandit gang // *Rabochij kraj* – Working edge. November 2, 1945.

8. Kornev A. *Za vorovstvo – k otvetstvennosti* [For theft – to responsibility] // *Vichugsky rabochy* – Vichugsky worker. October 14, 1945.

9. Kornev A. *Za hishchenie kartochek – 3 goda tyur'my* [For stealing cards – 3 years in prison] // *Vichugsky rabochy* – Vichugsky worker. October 24, 1945.
10. Mudrov S. N. *Neues Deutschland. Upravlenie propagandy Sovetskoj voennoj administracii v Germanii (1945–1947 gg.)* [Neues Deutschland. Propaganda Department of the Soviet Military Administration in Germany (1945–1947)]. Yaroslavl. 2011. 261 p.
11. Pelevin. *Brigadmil'cy* [Brigadmillers] // *Severnyj rabochij* – The northern worker. March 31, 1946.
12. *Prestupniki nakazany* – Criminals are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. January 6, 1946.
13. "Sluzhit' Otechestvu chest' imeyu..." : dok-ty po istorii organov vnutrennih del Yaroslavskogo kraja v konce XVIII – nachale XXI vv. – "I have the honor to serve the Fatherland ..." : a document on the history of the internal affairs bodies of the Yaroslavl Region in the late XVIII – early XXI centuries. Yaroslavl. 2002. 632 p.
14. Steinbeck D. *Russkij dnevnik* [Russian diary]. M. 2017. 320 p.
15. Tumakov D. V. *Obrazy ugolovnyh prestupnikov poslevoennoj epohi v ocenkah sovetskih oficial'nyh vlastej i pravoohranitel'nyh organov (po materialam Yaroslavskoj oblasti)* [Images of criminal criminals of the post-war era in the assessments of Soviet official authorities and law enforcement agencies (based on materials from the Yaroslavl region)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of the Oryol State University. 2021. No. 4. Pp. 75–80.
16. Tumakov D. V. *Prestupleniya rabotnikov pravoohranitel'nyh organov poslevoennyh let v istoricheskom kontekste epohi (po arhivnym materialam Yaroslavskoj oblasti)* [Crimes of law enforcement officers of the post-war years in the historical context of the epoch (according to archival materials of the Yaroslavl region)] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Herald of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2022. Is. 2. Pp. 113–122. DOI: 10.46726/N.2022.2.13.
17. Hlevnyuk O. V. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of a leader]. M. 2015. 464 p.
18. Hlevnyuk O. V., Gorlickij J. *Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [The Cold world: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship]. M. 2011. 231 p.
19. CRMHYR (Center for Documentation of the modern history of the Yaroslavl region). F. 272. Inv. 224. File 5.
20. CRMHYR. F. 272. Inv. 225. File 6, 7, 9, 97, 361, 362, 460, 505.
21. CRMHYR. F. 273. Inv. 68. File 919.
22. CRMHYR. F. 273. Inv. 74. File 89, 90, 97.
23. CRMHYR. F. 295. Inv. 1. File 6, 7.
24. CRMHYR. F. 2249. Inv. 1. File 5.